

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕМЬИ

УДК 392.3(091)“18/19”

РУССКАЯ СЕМЬЯ РУБЕЖА XIX И XX ВВ. В ЗЕРКАЛЕ СОСЛОВНЫХ РАЗЛИЧИЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Л. А. Грицай

Рассматривается повседневная жизнь русской семьи рубежа XIX и XX вв. в русле сословного деления императорской России. Изучается национальная концепция семейного устройства и ее трансформация в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова: семейный быт, сословная стратификация общества, идеал семейного поведения, национальное мировидение, ценностные основы культуры.

Деление общества на группы есть неизбежная черта устройства социума на протяжении существования цивилизации на земле. Такое деление может быть более глубоким, приводящим фактически к изоляции общественных классов друг от друга, либо менее глубоким, позволяющим говорить только об особенностях нравов и быта разных сословий.

По мнению В. О. Ключевского, автора труда «История сословий в России», сословное деление было присуще Древнерусскому государству еще в период его становления. Историк выделяет несколько сословий того времени, положивших начало сословному делению на Руси вплоть до 1917 г.: *княжьи мужи, люди и холопы* [Ключевский, 2002]. При этом В. О. Ключевский понимает сословия как результат юридического деления общества, существенным признаком которого служит различие прав, а не обязанностей [Там же, 2002].

К XIX столетию система сословного деления в императорской России окончательно сформировалась. В нее входили дворянство; мещанство, к которому относилось белое духовенство, ученые, чиновники, художники, купцы, фабриканты, ремесленники, работные люди; черное духовенство; крестьянство; казачество.

Сословия вплоть до середины XIX в. представляли собой достаточно «закрытые» сообщества, каждое из которых обладало своей системой взглядов и убеждений [Скутнев, 2010, с. 407]. По мнению А. В. Скутнева, серьезный разрыв между сословиями в России, начавшейся еще в XVIII в., привел к цивилизационному расколу, в результате чего на одном полюсе оказалось европейски образованное дворянство, на другом – традиционно ориентированное крестьянство, а остальные сословия – между ними [Там же]. Именно этот раскол, углубившийся в связи с разрушением сословных границ российского общества рубежа XIX и XX вв., способствовал, как полагает Скутнев, революционным событиям начала XX в. и разрушению «старого» мира.

Чтобы проанализировать данное утверждение, мы обратились к изучению сословных традиций семейного устройства в императорской России конца XIX – начала XX столетий, так как именно в семейной жизни, на наш взгляд, можно увидеть те тенденции, исходя из которых можно, с одной стороны, определить коллективную модель ценностных ориентаций всего сословия и проследить их трансформацию, а с другой – заметить изменения, определяющие будущее переустройство общественной жизни в государстве, поскольку изменение семейного уклада всегда связано с изменениями на уровне психики отдельных личностей и целых общественных групп.

Мы поставили перед собой следующие задачи:

1. На основе анализа историко-культурных источников определить национальные идеалы семейного устройства, характерные для русской традиции.
2. Изучить семейный уклад в русле повседневной жизни каждого из представленных в этот исторический период сословий, а также выяснить, какое значение имели ценности семьи в восприятии молодых представителей различных общественных классов в начале XX в.

Рассмотрев исторические документы, фольклорные, художественные и педагогические произведения, отражающие отечественные культурные представления о семейной жизни, мы можем выделить три основные концепции поведения человека в семье: народно-бытовую, христианскую

и, как синтез первых двух, национальную.

Содержание *народно-бытовой* концепции семейного устройства передано в народной педагогике, фольклоре и этнографических исследованиях. Следует отметить, что почтительное отношение к семье, заложенное в народном понимании, связывалось с особенностями образа жизни наших предков. Как отмечает В. Н. Дружинин, для Древней Руси XII–XIV вв. было характерно «аграрно-мистическое мироощущение», предполагавшее культ Матери-Земли, рода и родительства [Дружинин, 1995, с. 53]. В соответствии с этим восточнославянским племенам было присуще «родовое сознание», которое, по мнению исследователей, проявлялось в уважительном отношении как к старшим членам семьи, так и к предкам. Отсюда ценностями семейной жизни признавали уважение к старшим, доброту, силу духа, смелость, трудолюбие, взаимопомощь [Власова].

Анализ произведений древнерусской литературы, русских народных сказок и пословиц, проведенный Е. В. Кричевской, также выявил достаточно высокую ценность рода и семьи в жизни народа [Кричевская, 2009, с. 11].

Сущность православной концепции семейного устройства заключается в особом восприятии семьи – как *Малой Церкви*, обеспечивающей духовное единство всех ее членов. Впервые в человеческой истории союзу мужчины и женщины был придан божественный смысл «единства во плоти», не разрушаемого внешними обстоятельствами и продолжавшегося в детях. По справедливому суждению Р. А. Лопина, «единство христианской семьи – есть единство судьбы», когда супружество «образует единое психологическое пространство семьи, в котором муж, жена, дети живут во взаимном доверии и уважении, вместе преодолевая жизненные трудности» [Лопин, 2009, с. 274].

Таким образом, на основе сочетания народно-бытовой и христианской концепций к XIV–XV вв. на Руси сформировалась новая концепция семейного уклада, которую мы можем обозначить как *национальную*. Сущность ее заключалась в переосмыслении языческого идеала под воздействием православного христианства, приведшем к возникновению ярко выраженных архетипов отцовства и материнства. И если идеальные качества отца имели истоки в образе любящего Бога и Христа, то высокое почитание материнства сложилось из сочетания культа Матери-Сырой Земли и Богородицы.

Это была патриархальная семья, отношения в которой строились по принципу иерархии, подчиненности младших старшим. Главой в семье был старший, а следовательно, наиболее опытный, мужчина, он же распределял обязанности в доме и нес ответственность за всех своих домочадцев.

Сложившаяся национальная традиция понимания семейного устройства в значительной степени определила направление развития русской семьи на несколько столетий вперед и, несмотря на все исторические перипетии XV–XVIII вв., к середине XIX в. в целом сохранилась.

В первую очередь глубоко укоренилась и даже приобрела более суровые черты эта традиция в русском крестьянстве. Социальные историки отмечают, что «понятие семьи для крестьянства было тождественным понятию “дом” в значении “домохозяйство”» [Мионов, 1999, с. 221]. Таким образом, семьей считалась группа родственников, так называемая составная семья (отец, мать, их холостые и семейные дети, жены и дети последних и т.п.), проживающая в одном доме и ведущая совместное домохозяйство.

Составная патриархальная семья характеризовалась строгой половозрастной иерархией семейной жизни с контролем главы семьи над всеми домочадцами, а также признанием приоритета семьи как целого над индивидуальными запросами и интересами ее членов [Рабжаева]. Об этой подчиненности личности коллективным интересам патриархальной семьи пишет в своей работе «Историческое изменение институтов семьи и брака» С. Н. Гавров, в частности, называя ее «соборной или холистской идеологией» русского традиционного семейного уклада [Гавров, 2009]. Ученый цитирует И. Киреевского, отмечавшего, что если мы захотим «вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим, что каждый член семьи никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгоде совершенно отсекаются от самого корня своих побуждений. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина» [цит. по: Гавров, 2009].

Таким образом, заключает Ю. Рябцев, «авторитет семьи в народе был необычайно высок» [Рябцев].

Как свидетельствует В. Широков в статье «Семья и быт русских уральцев в старину», в крестьянских семьях главой дома, «хозяйном», считался старший по возрасту мужчина – обычно отец

семейства. Каждое семейство повиновалось одному из своих членов, большаку, а женщины, кроме того, старшей из них хозяйке – большухе. От большака зависели все хозяйственные распоряжения по дому. При этом жена-хозяйка принимала участие в решении всех семейных вопросов, хотя и признавала старшинство мужа, как повелевали обычай, закон и православная вера [Широков].

Родители были для своих детей непрерываемым авторитетом. Даже взрослый сын беспрекословно подчинялся отцу [Рябцев]. Как правило, без благословения родителей дети не принимали сколько-нибудь важных решений. При этом допускались разные средства и методы «учебы», в том числе телесное наказание, хотя последнее более было распространено в казачьей среде. С. В. Максимов, знакомившийся с жизнью уральских казаков в середине XIX в., писал, что у них «глава семейства вообще строг, рукавицы его, в самом деле, ежовые, а нагайка бьет одинаково больно и зашалившую жену, и непокорного сына». У других сословий такая мера наказания допускалась в исключительных случаях [Широков].

Значение семейной и церковной жизни и их глубокую взаимосвязь в восприятии простого русского народа подчеркивает в своей работе «Крестьянская повседневность» В. Б. Безгин. В частности, он отмечает, что русский крестьянин воспринимал православие не как свод догм, а как обращенную к каждому истину, формирующую жизненные устои и отношения [Безгин, 2004, с. 152]. Историк ссылается на мнение К. П. Победоносцева, согласно которому русский крестьянин всегда стремился к высшим идеалам жизни, убежденный в том, что цель его земного существования находится по ту сторону гроба и он живет для вечности [см.: Безгин, 2004, с. 153]. Поэтому святость венца и святость семейных уз долгое время сохранялись в крестьянских семьях. Более того, положение и авторитет крестьянина в сельской общине определялись не только его трудовыми навыками, но и отношением к семье и церкви, а также выполнением им Христовых заповедей милосердия и терпения. При этом нами не отвергаются многочисленные свидетельства современников, рассказывающие о невежестве и суевериях в крестьянской среде [Леонтьева, 2001, с. 170], однако речь идет об общепризнанной норме поведения, которая, безусловно, предполагала наличие религиозного сознания и приоритет семейных и общинных ценностей над индивидуальными.

После Великих реформ крестьянский семейный быт начинает изменяться в сторону обособления членов большой семьи: происходит постепенное отделение взрослых сыновей от родителей, что способствует распространению в крестьянской среде малой (нуклеарной) семьи [Рабжаева], а также начинается отток части взрослого (в основном мужского) населения в города на заработки и приобщение, тем самым, к городскому быту. По наблюдениям этнографа конца XIX в. Н. Романова, большое количество молодых крестьян в это время оставляют деревню и, возвратившись с изменившимися понятиями и наклонностями и ослабевшими родственными чувствами, заводят свое хозяйство [Романов, 1886, с. 161]. О постепенной замене коллективного сознания индивидуальным в среде сельской молодежи, а также о некоторой утрате авторитета родителями свидетельствуют рапорты приходских священников той эпохи [Безгин, 2004, с. 104]. Таким образом, к началу нового столетия в среде крестьянства происходит постепенное расшатывание традиционных устоев патриархальной семьи, сопровождающееся возрастанием значения для человека личных ценностей по сравнению с семейными, общинными и религиозными.

Патриархальные традиции жизни русских казаков помимо общинного сознания и христианского мировоззрения имели в основе идею служения Отечеству. Именно это служение считалась главным делом казака и даже было выше долга перед семьею. Как и крестьянские, казачьи семьи были большими и неразделенными. Главой семейства являлся старший по возрасту казак, авторитет его был очень высок: он распределял и контролировал работу членов семьи, к нему стекались все доходы, он обладал единоличной властью. Аналогичное положение в семье занимала мать в случае отсутствия хозяина. Особым почетом в станицах и хуторах пользовались старики. Заслуженные воины, побывавшие во многих переделках, они были хранителями казачьих традиций и своеобразной совестью казачества [Селивёрстова]. И, хотя процесс деления больших семей охватил в начале XX в. и казачью среду, само семейное устройство казачества не претерпело таких значительных изменений, как в крестьянском сословии: авторитет старших был по-прежнему очень высок, что отчасти подкреплялось военной дисциплиной и иерархией казаков.

Семейное устройство белого духовенства в своих главных чертах мало чем отличалось от народного семейного быта. Семьи приходских священников были также многодетны и строились на принципе иерархического подчинения главе семьи. Однако существовали и некоторые различия:

жены священников, как и сами они, часто имели хорошее образование и учительствовали в школах при церквях, что сказывалось на воспитании и образовании детей [Савичева, 2010, с. 304], а семьи духовенства изначально представляли собой простое домохозяйство (т.е. то, что принято назвать нуклеарной семьей). К тому же к концу XIX столетия в семьях белого священства наметился раскол между поколениями родителей и детей, связанный, с одной стороны, с всеобщим охлаждением к религиозной жизни в обществе, а с другой – с непростыми процессами внутри самого духовного сословия. Многие молодые люди, приходившие учиться в семинарии, часто выбирали эти учебные заведения не по призванию, а по наследственной принадлежности к духовенству, из-за возможности получить хорошее образование, по карьерным или иным соображениям. В результате в семинариях царил атмосфера безверия, лицемерия, а часто ханжества и жестокого невежества, еще больше отдаляющая учеников от Бога [Дубасов, 1993, с. 262–283; Бирюков, 1969, с. 99; Леонтьева, 2001, с. 170–178]. По меткому выражению В. О. Ключевского, духовные учебные заведения в те годы были больше похожи на богадельни для преподавателей и учеников, где «больше богохульствуют, чем богословствуют» [Ключевский, 1990, с. 377]. Наиболее честные юноши из утративших веру уходили «в революцию», чтобы служить народу, навсегда порывая с миром родительской семьи.

Вторая половина XIX в. во всех исторических работах, посвященных изучению быта российских сословий, характеризуется как период «оскудения» дворянства, потерявшего значительную материальную поддержку в связи с отменой крепостного права. Однако, как отмечается в диссертации А. В. Наумова, «дворянство, несмотря на бурное развитие капитализма и выход на общественную арену новых социальных сил, сохраняло свои сословные привилегии и продолжало играть важную роль в политической, общественной, культурной жизни страны» [Наумов, 2009, с. 3]

Следует также отметить и тот факт, что именно в дворянском сословии еще в начале XIX в. происходит изменение в понимании сути семейного устройства жизни человека. Так, по словам М. В. Коротковой, характерной чертой дворянских семей становится глубокий синтез национальной и европейской культур [Короткова, 2009, с. 39]. Поэтому в дворянской среде, первом из всех сословий, традиции и обычаи, принятые в предыдущем веке и отличавшиеся известной патриархальностью, начинают вытесняться новыми, более либеральными правилами [Колганова]. Как отмечает М. В. Короткова, дворянская семья начинает строиться на новых принципах: супружество понимается как союз двух родственных душ, возрастает роль женщины, которая становится женой-другом, власть мужа теперь носит более утонченный и просвещенный характер, отношения мужа и жены основываются на родстве вкусов и взглядов [Короткова, 2009, с. 34].

Таким образом, дворянская семья еще в начале XIX столетия становится малой (нуклеарной) семьей, отношения в которой приобретают отдельные черты, присущие эгалитарной семье.

Вслед за дворянским сословием отчасти демократизируются отношения и в семьях представителей городской интеллигенции, также близких к идеалам европейского просвещения. К концу века отход от патриархальности, сопровождающийся демократизацией супружеских и детско-родительских взаимоотношений, становится нормой для семей дворянского сословия и разночинной интеллигенции, нормой, постепенно проникающей и в другие сословия.

Активное развитие капитализма в конце XIX в. выдвинуло на первый план представителей купечества, получивших благодаря своим денежным средствам большой вес в обществе. Как полагает Г. С. Рыкина, «менталитет купечества формировался на православных традициях, общинных крестьянских взглядах старшего поколения, предусматривавших уважение к бедным людям, оказание материальной и духовной помощи всем нуждающимся. В основе этих процессов лежали вера в Бога, уважение к труду, соблюдение кодекса чести купца» [Рыкина, 1999, с. 24].

Следует отметить, что купеческая семья изначально строилась как форма купеческой компании, семейное предприятие, в котором были заняты, как правило, все члены семьи [Брянцев, 1999]. По мнению И. В. Масловой, особенности бытоустройства купеческих семей, к которым относятся преобладание коллективных ценностей над личными, составной тип семьи, к концу XIX столетия постепенно утрачивались, и выработывалась общая модель поведения и быта городской семьи. Причем эти процессы в первую очередь затрагивали представителей столичного купечества, стремившихся приобщиться к дворянскому образу жизни, а потом уже и провинциальных купцов и членов их семей, для которых традиционные сословные черты и поведенческие установки сохранялись вплоть до XX в. [Маслова, 2009, с. 242]. К такому же выводу приходит и Ю. М. Гончаров, отмечая, что «сибирское купечество в 60–90-х гг. XIX в. постепенно отходило от народных тра-

диций и обычаев, вырабатывало свои ценностные ориентации, нормы поведения и образ жизни» [Гончаров]. При этом ученый подчеркивает, что в рассматриваемый исторический период происходит общее «размыwanie прежних сословных границ и сословных ценностей» [Там же].

Таким образом, купеческая семья в целом сохраняла традиции патриархальности, которым, однако, следовали в меньшей мере в связи с повышением образованности сословия и демократизацией на этой почве внутрисемейных отношений, а также в результате общей урбанизации жизни в конце XIX столетия.

Семейное устройство городских рабочих – общественного класса, широко распространившегося в России в эпоху капитализма, испытывает еще большее давление социальной среды. Как отмечают многие исследователи положения рабочего класса в царской России в начале XX в., «на арену истории вышел новый слой людей, стереотипы поведения и мышления которых отличались от патриархальных русских традиций» [Залунаева, 2005, с. 3]. Как правило, рабочими становились крестьяне, пришедшие на заработки в города, и беднейшие из мещан. Семьи свои крестьяне по большей части оставляли в деревнях, изредка навещаясь туда по праздникам и посылая часть своих скромных заработков, или же забирали жену и детей с собой. Как первый, так и второй вариант был нелегко для всей семьи: длительная разлука способствовала отчуждению членов семьи друг от друга, а совместное проживание при отсутствии самых элементарных бытовых условий также приводило к отчуждению и конфронтации.

Одной из самых серьезных проблем рабочих семей являлось отсутствие постоянного жилья: люди были вынуждены обустраиваться в тесных казармах и бараках либо снимать всевозможные «углы», платя за них значительную часть своего заработка. Все это способствовало росту напряженности между представителями различных семей и антисанитарии, с которой немногочисленные медики справиться не могли [Залунаева, 2005, с. 6]. К тому же оторванные от привычного крестьянского семейного уклада рабочие принимали новую систему ценностей, в которой семья, вера, община занимали, как правило, незначительное место. Социальные историки свидетельствуют об увеличении женской власти в семьях рабочих [Безгин, 2004] и о возникновении тенденций к ослаблению религиозной жизни, семейных и родственных связей [Залунаева, 2005, с. 10]. По мнению А. Головатенко, вчерашние крестьяне, переселившиеся из деревень в города, вырывались из привычного окружения, но так и не обрели твердой почвы под ногами и устойчивых ценностных ориентаций. В итоге в фабричных поселках происходило сосредоточение людей, не уверенных в своем будущем, не дороживших прошлым, смутно ориентировавшихся в настоящем [см.: Крижановский].

Исходя из нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. Национальная концепция семейного устройства императорской России основывалась на патриархальных принципах соборности, работы на благо семьи, подчиненности детей и женщин главе семьи – мужчине, которым следовали неукоснительно. Подобный принцип семейной солидарности был передан И. Киреевским следующим образом: «человек для семьи и во имя семьи» [цит. по: Гавров, 2009]. Эта традиция сохранялась до середины XIX в. практически во всех сословиях (невсегда поддерживали ее только дворянство и часть интеллигенции).

2. На рубеже XIX и XX вв. в семейном устройстве практически всех сословий царской России наблюдается тенденция постепенного освобождения членов семьи из-под ее власти, проявившаяся в либерализации детско-родительских и супружеских отношений. Этот процесс был связан с постепенной утратой «соборного» семейного сознания, которая привела к преобладанию индивидуальных ценностей личности над семейными и групповыми.

3. Исторические свидетельства о сходных процессах трансформации семейного устройства различных сословий позволяют считать, что в изучаемый период происходило «размыwanie» сословных границ и постепенное сближение разных слоев населения. Исходя из данного факта мы также можем заключить, что сословное деление общества не являлось ни скрепляющим материалом для государства, ни явным тормозом в развитии страны, хотя в какой-то мере именно сословное деление рождало социальный протест «низов» против «верхов». При этом необходимо учитывать и мнение В. О. Ключевского, в частности, о том, что «чем плотнее и замкнутее сословие, тем сильнее сжимает оно отдельных лиц своими требованиями, понятиями и нравами, сковывая личную свободу» [Ключевский, 2002]. Увеличение роли личного начала в русском обществе рубежа веков свидетельствует как раз об обратном: сословное деление перестало играть в стране суще-

ственную роль.

4. Уменьшение значимости семейных и религиозных начал русской жизни, сопровождающееся социально-экономическими преобразованиями в стране, в целом характеризовало российское общество рубежа XIX и XX вв. как общество «переходного» типа, с изменяющейся системой ценностных ориентаций. Веками складывающаяся иерархия ценностей: *Бог – семья – общественное служение – личные интересы* – теряла свой приоритет у молодого поколения русских людей. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и привело страну к кризисам 1905 и 1917 гг., последнего из которых императорская Россия не пережила (недаром известный эсер-максималист Б. В. Савинков говорил, что революция – это не социальный, а в первую очередь духовный кризис).

К сожалению, русская семья и православная вера не смогли стать для нашей страны теми «скрепами», которые бы удержали ее от революционных потрясений и от их последствий, ощущаемых нами до сих пор.

Библиографический список

- Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.) / Тамбов. гос. техн. ун-т. М.; Тамбов, 2004.
- Бирюков В. П.* Уральская копилка. Свердловск, 1969.
- Брянцев М. В.* Культура русского купечества: воспитание и образование. Брянск, 1999.
- Власова Т.* Духовное содержание ценностей семейного воспитания в Древней Руси [электронный ресурс]. URL: <http://nansysan.narod.ru/index3021.html>
- Гавров С. Н.* Историческое изменение институтов семьи и брака: учеб. пособие. М., 2009 [электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-2/10.htm>
- Гончаров Ю. М.* Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. [электронный ресурс]. URL: new.hist.asu.ru/biblio/.../268-310p.html
- Дружинин В. Н.* Психологические типы семьи в европейской культуре. М., 1995.
- Дубасов И. И.* История тамбовской церкви // Очерки по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993.
- Залунаева Е. А.* Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.
- Ключевский В. О.* История сословий в России: полный курс лекций. М.: 2002 [электронный ресурс]. URL: www.twirpx.com/file/62215/
- Ключевский В. О.* Материалы разных лет // Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. 9.
- Колганова А.* Идеал поведения в семье столичного дворянина России первой половины XIX века: традиции и новации [электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/051006163916>
- Короткова М. В.* Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М, 2009.
- Крижановский А. И.* Социальная структура России начала XX века [электронный ресурс]. URL: http://www.historichka.ru/works/socialnoe_polojenie_nachalo_20/
- Кричевская Е. В.* Историко-культурные представления о роли отца в российской семейной традиции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009.
- Леонтьева Т. Г.* Православная культура и семинарский быт (на материалах Тверской губернии конца XIX – начала XX вв.) // Отеч. история. 2001. № 3.
- Лопин Р. А.* Кризис современной российской семьи как фактор отказа от традиционной системы нравственных ценностей: матер. всерос. науч.-практ. конф. «Семья – культура – образование в изменяющейся России» / под ред. О. В. Бессчетновой. Саратов, 2009.
- Маслова И. В.* Стереотипы поведения, традиции, ментальность уездного купечества Волго-Камского региона в XIX – начале XX вв. как образовательный сегмент при изучении истории российского предпринимательства в вузе: матер. всерос. науч.-практ. конф. «Экономические и правовые аспекты регионального развития: история и современность». Елабуга, 2009.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
- Наумов А. В.* Судьбы российского дворянства в XX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.
- Рабжаева М. В.* Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ [электронный ресурс]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/rabzhaeva1.htm>

Романов Н. Село Каменка и Каменская волость Тамбовского уезда. Тамбов, 1886.

Рыкина Г. С. Московское купечество в конце XIX – начале XX столетия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

Рябцев Ю. Крестьянская семья // История русской культуры: Художественная жизнь и быт XI–XVII веков. М., 1997 [электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/ancient/reader/family_03.htm

Савичева В. В. Портрет жены священнослужителя XIX–XX вв. (по материалам Вологодской епархии): матер. междунар. науч. конф., 22–23 октября 2010 г. / отв. ред. А. Ю. Балыберин. Киров, 2010.

Селивёрстова М. Повседневная жизнь астраханского казачества в конце XIX – начале XX века: опыт историко-антропологических исследований. М., 2003 [электронный ресурс]. URL: <http://www.el-history.ru/node/418>

Скутнев А. В. Ментальность духовного сословия и менталитет русского народа до 1917 г.: матер. междунар. науч. конф., 22–23 октября 2010 г. / отв. ред. А. Ю. Балыберин. Киров, 2010.

Широков В. Семья и быт русских уральцев в старину [электронный ресурс]. URL: http://openural.com/index.php?option=com_content&view=article&id=138&Itemid=181&limits tart=1

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.01.2011